

В 2004-м начинался обычный для меня писательский сентябрь. Воздух толстовской усадьбы был наполнен грибной сыростью, запахом влажной коры и остывающей воды большого пруда. Желтые и красные листья падали на чисто выметенные дорожки музея, два десятка писателей витийствовали под Веймутовой сосной на лужайке возле дома Толстого. Я стоял у ствола этого американского дерева, поглаживал его рукой,

разглядывая приезжих. На стульях и скамьях перед микрофоном сидели близкие мне люди — Лев Александрович и Александра Николаевна Аннинские, Тимур Касымович Зульфикаров, Ирина Дмитриева-Ванн, Володя Карпов, Валентин Яковлевич Курбатов...

Много лет назад я познакомился с ними здесь, на писательских чтениях, с тех пор они стали необходимой частью моей жизни. Думалось в тот момент — какое же счастье, будучи литератором, жить рядом с Ясной Поляной, видеть здесь лучших мастеров профессии, внимать им, прорываясь сквозь них в большой писательский мир, большую литературу, большой стиль, большую жизнь.

Владимир Ильич Толстой, переехав сюда из Москвы в 1996 году, превратил яснополянский музей из немного скучного, бюрократического «учреждения культуры» в живое, искрящееся, вечно переменчивое творческое дело, едва ли не лучший литературный музей планеты.

Собственно говоря, Ясная Поляна — не музей. Это более сложное и большое явление русской жизни, в котором соединились уникальная творческая инициатива, традиции древнего аристократического рода, писательское наследие гениального Толстого, поразительная аутентичность усадьбы и дома (музейные вещи 19 века хранятся тут не в запасниках, а лежат на своих местах в комна-

тах), своеобразие самой деревни, более или менее сохранные ландшафты и люди, люди... Уникальные, поразительные, штучные. Софья Андреевна и Александра Львовна Толстые, Николай Павлович Пузин, Рита Александровна, Илья Владимирович, Никита Ильич, Владимир Ильич, Илья Ильич, Анна Никитична, Екатерина Александровна Толстые, а теперь и Ваня Толстой, после векового перерыва снова родившийся в Ясной Поляне, ныне — студент ВГИКа, будто перенявший эстафету зеленой палочки от Льва Николаевича, Александры Львовны, от навсегда оставшегося семилетним ангела Ванечки, от Владимира Ильича... Выдержит ли ношу ответственности, которая давит, но и придает основательности? Ведь когда идет настоящий Толстой (настоящий, если с ношей любви, мысли, совести), трясется земля от тяжести шагов, нужно понимать это.

Тогда, в 2004-м, у Веймутовой сосны думалось еще и о том, что странно мало приходит на яснополянские чтения тульских писателей. Боятся, что Толстой их раздавит? Нет почета и уважения, к которому привыкли в Туле? Но в Ясной Поляне «воздавать почести» вообще не принято, здесь совершается духовная работа, мозговой штурм действительности, творческое общение, которые изначально демократичны и существуют вне рангов, бюрократической суеты, чиновных расшаркиваний. Почести воздаются

после и в другом месте — обычно в Москве, где-нибудь в Большом театре, чтобы вручение литературной премии было общенациональным событием, а не только яснополянским.

— А, Сережа! — увидел меня тогда у сосны Тимур Касымович Зульфикаров. — Приезжай сегодня вечером к нам! Мы с Ирусской даем концерт в гостинице для своих...

Тимур Касымович для Ясной Поляны начала нынешнего века — знаковая фигура. Он стал одним из лауреатов Большой Яснополянской премии, получив ее по заслугам. Его уникальный талант, совмещающий восточную орнаментальность и славянскую широту, очень своеобразен. Тимур Касымович — глубокий философ, обаятельный, искренний человек, один из аксакалов и саксаулов Толстовских писательских чтений, наряду с Курбатовым, Кимом, Аннинским и Кураевым. Тимур Касымович из того времени, когда серьезная литература могла быть единственным занятием талантливого человека. Сейчас это почти невозможно. В советское время большая литература вполне кормила русского писателя и потому в нее шли серьезные люди, которые теперь увлечены политикой, бизнесом, гедонизмом. Сейчас молодой Зульфикаров был бы вынужден писать сценарии для телесериалов, Аннинский — заниматься преподаванием, а Ким входил бы в совет директоров крупного ко-

рейско-российского предприятия.

Прошли те времена, когда писатель в России был главным духовным авторитетом, пророком, почти святым. Едва ли не последним избранным, наверное, был Распутин, а перед ним Шукшин и Астафьев, хотя у Виктора Петровича оказалось чересчур много светских грехов. И самый главный, проявившийся перед смертью: охаивание своего народа. Впрочем, в начале века многим казалось, что с Россией и русскими покончено, страна сдавала одну позицию за другой, вокруг ширились разброд и шатание, трудно было не разочароваться, не пасть духом. Виктор Петрович разочаровался, нужно простить ему, ведь он был тогда уже совсем старым человеком.

Тимур Касымович тоже входит в когорту великих и любит примерять на себя тогу олимпийца. Как говорила, смеясь, Рита Александровна: «для Тимура в литературе есть только он, и лишь затем Пушкин». С другой стороны, без осознания своей величины и значимости писателю не взяться за тяжелейшую ношу русской литературы.

Тимур Касымович на рубеже веков был влюблен в Ясную Поляну, подолгу живал в бывшем санатории, теперь графской гостинице, получая тут уютный номер. Он создал здесь многие свои, ставшие знаменитыми, тексты и песни. Некоторые из них удивительны и надолго останутся в сокровищнице русской литературы и русского

романса. Теперь, приближаясь к своим 80-ти годам, Тимур больше времени проводит в Таджикистане, родные горы поддерживают и пе- стуют, тело его может нормально жить лишь там, а Москва убивает. В последний раз на писательских чтениях Тимур был в 2014-м, затем только звонил, хотя место его на галерке чтений долго было не занято, я чувствовал это.

Тогда, в 2004-м, в зале для конференций на четвертом этаже, людей собралось много, стульев не хватало, некоторые рассаживались прямо на полу. Тимур и его певица, Ирина Ванн, готовились к выступлению в памятной для меня комнате 411, превратившейся на время в артистическую гримерку. Во время концерта в зале возле двери вдруг поставили еще один стул для Риты Александровны, я тогда впервые увидел ее.

Она вошла, опираясь на палочку, скромно уселась с краю. Ей уже исполнилось 73 года, но выглядела она цветущей женщиной лет шестидесяти: милое лицо, розовые щеки, светящиеся глаза. Вскоре я убедился — еще и хорошая память, всеотзывчивый ум, юношеский интерес к жизни. Наверное, дело тут в особой генетике, но сказывались, конечно, и ее поразительный оптимизм, творческий подход к жизни, постоянный контакт с молодежью, феноменальная стойкость и жизнелюбие. Русский человек часто падает духом, разочаровывается от жизненных трудностей. Рита

Александровна удары судьбы сносит как стойкий оловянный солдатик, да еще поддерживает других, интересуется их жизнью, когда сама оказывается на краю пропасти, держится за этот край одною рукой.

До 72 лет Рита Александровна работала в МГУ преподавателем русского как иностранного, учила немцев, англичан, французов, японцев, сирийцев, поляков нашему великому и могучему. Да не просто учила — на какое-то время олицетворяла для них Россию. Мне думается, трудно было найти для них лучшего представителя русского народа: обаятельная красавица глубочайшей культуры и доброты, породнившаяся с древней российской семьей, в числе многих составляющей гордость и славу нашего прошлого и настоящего. По словам Риты Александровны, в семьдесят лет она «еще бегала как девчонка», совершенно не постарела душой, а вот здоровье после 70-ти все же начало сдавать.

— Однажды в метро меня так ударили локтем в сердце, что я чуть не умерла,— рассказывала Рита Александровна.— Останавливалось дыхание, слезы текли по щекам, в тот момент я дала себе слово, что больше не буду работать. Когда же ушла из университета, мне стало еще хуже: ослабела нога, упало зрение — это настоящая трагедия для меня...

К тому времени в Ясную Поляну вслед за Владимиром Ильичом

из подмосковского Троицкого перебрался Илья Ильич, старший сын Риты Александровны. И она решилась на переезд вслед за сыновьями.

— Центр нашей семьи тогда окончательно переместился сюда, в Ясную Поляну,— констатировала Рита Александровна. И мне кажется, она не жалела об этом.

...Ирина же и Тимур в тот вечер были блистательны. Ирина молода и красива, в концертном платье темно-синего цвета, с открытыми плечами, словно дама в салоне мадам Шерер. Тимур — творчески сосредоточен и горяч на излете своей феноменальной молодости, которая продлилась до 75 лет. Они в тот вечер исполняли свои песни так, что Ирине поступило несколько серьезных предложений руки и сердца от иностранных писателей, а Тимур на-долго, до концертов Олега Погудина, превратился в кумира тульских любителей романсов. Рита Александровна тоже была заинтересована Ириной и Тимуром. Объятая музыкой, светящаяся духом, она была так необычна и трогательна, что я глядел на нее чаще, чем на артистов, еще не осознавая, насколько важно происходящее для меня. После концерта поспешил к ней спросить согласия на интервью для тульского альманаха.

На другой день, опасаясь, что Рита Александровна может забыть обещание, пришел к ней в достопамятный, легендарный те-перь 311-й номер яснополянской гостиницы, достал блокнот. Рита Александров-

на держалась настолько осторожно, была закрытой и даже хмурой с известным ей человеком, говорила о своей жизни скудно; на другое утро позвонила сказать, что надиктовала лишнего и просит ничего не публиковать. Слегка расстроившись, я отменил публикацию, и в следующий раз мы увиделись в ситуации, когда я выступал в качестве доктора. После уже и не помню, почему приехал — наверное, потому, что Рита Александровна не выходила у меня из головы, очень уж была не похожа на многих, с кем я привык общаться.

Во-первых, она никогда не говорит о людях плохо, кроме самых исключительных случаев, но даже при этом избегает жестких и унижающих выражений.

Во-вторых, она старается больше давать человеку, нежели получить.

В-третьих, она говорит на прекрасном, сочном, безупречно правильном русском языке.

В-четвертых, она чувствует и мыслит изумительно точно, будучи настоящим камертоном душевного изящества.

В-пятых, у нее имеется поразительный талант неравнодушия, она переживает за каждого, кого любит, кто ей симпатичен. Не может спать, пока сыновья в дороге, каждую минуту ждет их звонка. Переживает из-за Ливии, Украины, Сирии, до глубокой ночи смотрит политические передачи, вникая в перипетии украинского и турецкого предатель-

ства. Расстраивается из-за семейных сложностей и здоровья своих «приемных детей» — яснополянских девушек и юношей, которых она по-матерински опекает.

В-шестых, седьмых, восьмых... Рита Александровна стала для меня настоящим откровением. Я оказался вовлечен в бурлящую вокруг нее жизнь, и это превратилось для меня в один из главных университетов. В ее 311-м номере яснополянской гостиницы одиннадцать лет действовал едва ли не лучший музыкальный и литературный салон области. Здесь можно было встретить блистательную испанскую переводчицу Толстого и Цветаевой Сельму Ансера, барда Лену Фролову, талантливую исполнительницу романсов Юлю Зиганшину, Тимура Зульф리카рова, Ирину Дмитриеву-Ванн, Олега Погудина, Виктора Лихоносова, Анатолия Кима, Карена Шахназарова и многих, многих других. Рита Александровна стала магнитом, который манил в Ясную Поляну десятки людей. Воплощение доброты, участия, равнодушия, для меня Рита Александровна стала по настоящему родным человеком.

Она не хотела моих публикаций о ней, не желала публичности, но я все же иногда расспрашивал ее о прошлом, это казалось мне важным. Именно через жизнь талантливой, памятной, большой и радушной семьи Толстых я впервые познакомился с потомками русской аристократии. С юности чувствовал родство с теми, кто был изгнан из Рос-

сии в 1918—1921 годах, мне было страшно жаль их, всегда думал о том русском исходе первой волны, как о чудовищной катастрофе. Ценил Набокова, Бунина, Цветаеву, Шмелева, Ходасевича. Утрата многих аристократических родов для России — чудовищная, страшная, непоправимая ошибка революции, советской власти. В случае с одной из ветвей Толстых эту ошибку получилось исправить.

Толстые вообще — особый случай. Многие из них чрезвычайно талантливы и энергичны на протяжении нескольких поколений, это случается редко в утонченных и порой вырождающихся династиях. Не оставили детей или внуков Лермонтов, Бунин, Набоков (его сын умер бездетным), Гумилев и Ахматова (у Льва Гумилева не было детей). Бездетность — проклятие творческих личностей. Нет потомков у Чехова, Гоголя, Волошина, Булгакова, Мандельштама... Толстые в этом плане демонстрируют феноменальную жизненную силу, их генеалогическое древо так разрослось, что уследить за его ветвлениями можно лишь с карандашом в руке. Толстые сейчас — это целая «малая народность», по выражению Володи Карпова. Толстые живут в США, Италии, Франции, России, Англии, Швеции, Парагвае, их так много, что каждому, кто интересуется современными потомками литературного гения, приходится выбирать ту или другую ветвь громад-

ной фамилии, потому что невозможно охватить необъятное. Мне интереснее потомки Ильи Львовича, второго сына Толстого, по вполне понятным причинам: они ближе других к России, растворены в ней, оказывают на ее жизнь большое влияние, вернувшись на родину сразу после Второй мировой войны.

Илья Львович был одним из старших сыновей Льва Николаевича, которых он лично воспитывал и которые не стали противопоставлять себя гениальному отцу в последние годы его жизни. Младшими сыновьями Толстой занимался меньше (кроме Ванечки), душевной близости с Михаилом, Львом и Андреем у него не возникло. Илья — другое дело, показателен памятный разговор. Случился он, когда Илья, не окончив университета, влюбился в красавицу Софью Философову, решил жениться. Однажды вечером Толстой зашел к Илье в комнату, стоя за ширмой спросил: были у Ильи до Софьи какие-нибудь отношения с женщинами? Илья ответил отрицательно, и Лев Николаевич заплакал от радости. Плакал и двадцатидвухлетний (!) Илья. Какой из нынешних его сверстников может сказать такое отцу? Целомудренность в их отношениях была такой, что Лев Николаевич постеснялся говорить о любви с сыном, написал Илье письмо: «Цель ваша в жизни должна быть не радость женитьбы, а

та, чтобы своей жизнью внести в мир больше любви и правды... Самая эгоистическая и гадкая жизнь есть жизнь двух людей, соединившихся для того, чтобы наслаждаться жизнью, и самое высокое призвание людей, живущих для того, чтобы служить Богу, внося добро в мир»... Это феноменально, поразительно! Возможен ли сейчас такой разговор между отцом и взрослым сыном? Почти невозможен. Именно поэтому Толстой велик, уникален и неповторим, его жизнь и творчество, при всех его заблуждениях, излучает мощный поток глубочайшего смысла, тепла и света. Одним из проводников этого света и тепла в последующую жизнь человечества стали потомки Ильи Львовича.

Вырастая, дети слегка или сильно удаляются от стареющего, «отстающего от жизни» отца. Так было со Львом и Андреем, которые принялись резко критиковать нравственное учение Льва Николаевича. Отдалилась Татьяна, которой Толстой писал в 1885 году, что для нее «важнее уметь готовить суп и убирать свою комнату, чем удачно выйти замуж». Поначалу Татьяна старалась жить по принципам отца: стирала для себя, перешла на вегетарианский стол, помогала бедным. Ревновала отца к Маше, которую считала его любимицей, писала в своем дневнике, что та «подлизывается» к отцу, и «...больше живет его жизнью, больше для него делает и

более слепо верит в него, чем я...»

К Маше у Толстого было особое отношение. Она более других девочек внешне походила на Толстого, старалась всегда быть на его стороне, раньше Татьяны обратилась к вегетарианству, занималась физическим трудом и благотворительностью. Хотела стать учительницей и посвятить свою жизнь бедным. Толстой говорит в своем дневнике, что испытывает к Маше огромную нежность, она искупает всех остальных его детей. Когда Маша стала взрослой, от Софьи Андреевны именно к ней перешла почетная обязанность разбирать корреспонденцию Толстого, он диктовал ей письма и давал переписывать черновики. Прежде Софья Андреевна сама делала это в течении двадцати пяти лет и потому она ревновала: «...Теперь он дает все дочерям и от меня тщательно скрывает. Он убивает меня очень систематично и выживает из своей личной жизни, и это невыносимо больно... Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить кого-нибудь...», «...иногда мне хочется избавиться от Маши, и я думаю: «Что я ее держу, пусть идет за Бирюкова, и тогда я займу свое место при Левочке, буду ему переписывать, приводить в порядок его дела»...

Андрей же и Лев, увы, в период кризиса последних месяцев жизни Толстого были готовы признать отца умалишенным... В этом, конечно, сквозит их обида. В отношениях Толстого к сыновьям был какой-то

психологический комплекс: Лев Николаевич был довольно холоден с ними, в детстве почти не брал их на руки (за исключением Ванечки), говорил, что станет больше общаться с сыновьями, когда они вырастут. Когда же сыновья вырастали — проявлялись духовные противоречия. Одновременно Толстой был очень душевно близок с дочерьми, любил посвящать их в свои философские взгляды, отчасти этим сильно осложнив их жизнь. Мария умерла молодой, Татьяна вышла замуж поздно за пожилого Сухотина, Александра вообще замуж не выходила, получив трагическую судьбу — заключение в Гулаге, побег из России, скитание по миру. Скорее всего, Лев Николаевич хотел от детей полного приятия своего мировоззрения, которое было для них слишком неординарным. Чтобы полностью усвоить, перенять настолько своеобразные взгляды, нужно духовно вырасти до таких же размеров, как сам Толстой, а это дано не каждому. Сыновья в любой семье поначалу противопоставляют себя отцу, желая обрести свою правду, а девочки более пластичны и покладисты. Ближе других к Толстому мог оказаться Ванечка — неотмирный, глубокий, абсолютно лишенный эгоизма, не по возрасту духовный ребенок. Но ему не суждено было прожить долго. По словам Толстого, Ванечка был похож «на весеннюю ласточку, которая прилетела слишком рано и потому замерзла».

Глубина и масштабность личности Толстого так велики, что ему, наверное, было скучно с обычными людьми. Как большинство художников, он часто перемещался физически и духовно. С ранней молодости он переезжает: из Ясной Поляны в Казань, затем в Москву, на Кавказ, в Бухарест, Севастополь, в Европу, Ясную Поляну, Москву, Самару... Собственно, Толстой и умер в дороге, как странник, после Оптиной Пустыни направляясь на любимый Кавказ. Он рано развился в художника — в 23 года написал «Детство», — и сохранял поразительную художественную мощь до глубокой старости, в 75 лет создав гениального «Хаджи-Мурата». Такое творческое долголетие под силу лишь избранным. Художественный талант его был так велик, что даже религиозные и нравственные самоограничения не смогли победить творческого инстинкта. Благодаря нравственным самоограничениям Толстой во второй половине жизни вырастил свою личность до небывалых масштабов, его можно сравнить в этом плане лишь с Махатмой Ганди. С ранней молодости его обуревают абсолютно религиозное стремление усовершенствовать себя и мир, которое во второй половине жизни развились в толстовство, в попытки создать собственную религию и философию. Личности такого масш-

таба, как Толстой, часто приходят к этому. Сегодня некоторые пытаются свести творчество и жизнь Толстого к психопатологии, но это ложный путь, потому что психопатология всегда приводит к деструкции личности, а у Толстого этого нет. Борясь с православием, он феноменальным образом сохранял главные критерии христианства — любовь к Богу и людям. Поэтому многие наши обвинения в адрес Толстого слишком обывательские, мелкие. Мы судим его с позиции философии, с женской и семейной точки зрения, оскорбляясь за Софью Андреевну и детей («он был плохим семьянином, не занимался сыновьями, хотел оставить семью без средств к существованию»), но Толстой слишком велик и многогранен для того, чтобы кто-то из нас мог судить его.

Все неспроста и недаром. Ясная Поляна — одно из важнейших мест для России. Здесь чудесным образом сохраняется многое из того, что мы бездумно потеряли за сто лет революций, войн и безбожных пятилеток. Многие в жизни совершаются вопреки человеческой воле, согласно Божьему промыслу. Лев Толстой одно время боролся с православием, но перед смертью поехал в Оптину Пустынь. Его нынешние потомки бывают на литургии в Никольском храме в Кочаках,

возле которого стоят деревянные кресты Толстовского некрополя. Ясная Поляна по-прежнему освещает нас мощью толстовского духа, красотой ландшафтов, исторической вовлеченностью. Люди снова и снова на время оставляют здесь суетное, поднимают взгляд к небу. Расстояние тут между настоящим и прошлым почти уничтожено; ты можешь по-прежнему тронуть диван, на котором родился Лев Николаевич, открыть книгу из его домашней библиотеки с рабочими пометками на полях, увидеть деревья, которые застали Толстого...

Увы, люди менее долговечны. Уходят самые дорогие и любимые, спасают жизнь семья, любовь, дети, преемственность поколений — таинственная и глубокая вещь. Живя в Сербии, внук Льва Николаевича и дед нынешнего Владимира Ильича мечтал, чтобы его дети родились в Москве, а внуки — в Ясной Поляне. Удивительным образом так и случилось! Этой памятности поколений у Толстых нужно учиться. Многие из нас повергли в запустение, бросили на поругание свои родовые гнезда, не знают ничего о жизни прадедушек и прабабушек, выкинули на свалку вещи, мысли, заветы отцов и дедов. Толстые хранят память о членах рода в десяти — двенадцати поколениях, вовлекая в свой круг все новых и новых людей... В этом

есть мудрость.

Без связи с прошлым, без памяти, литературы, семейной и национальной истории мы обречены снова и снова наступать на одни и те же грабли войны, бездумного насилия, тирании, сброса культуры, изгнания из страны лучших соотечественников... Перед нами снова много искушений. Телевизор, Интернет — новая культурная революция. На границах — новый железный занавес. Назревает новая волна эмиграции. Начинается новая мировая война. Такое впечатление, что миром, и вправду, подтверждая мысль Толстого, управляют сумасшедшие...

Как в таких условиях созидать, не разрушая, удерживаясь от зла? Можно ли сейчас позволить себе быть добрым? Что такое добро и зло? Зависят ли они от того, кто дает им оценку или это нечто неизменное? Меняются ли понятия о добре и зле в вечности?

Обо всем этом думали самые видные представители человечества. Напомнить о главных истинах приходил на Землю Христос. Задумаемся об этом и мы, пока не поздно.

